
Л. И. АКСЕЛЬРОД
(ОРТОДОКС)

ЭТЮДЫ
И
ВОСПОМИНАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ О Г. В. ПЛЕХАНОВЕ.

В 1889 г., когда я приехала в Цюрих, общая картина политических настроений в русской революционной среде носила народнический характер. В рядах жившей там эмиграции и сочувствующей ей русской революционной молодежи господствовали клочки и обрывки народнических воззрений 70-х и «Народной Воли» 80-х гг. Шли бесконечные споры о программе и тактике. Споры же были тем более запальчивые и раздражительные, что русское революционное движение переживало тогда, как это, к прискорбию, у нас слишком часто повторялось, переходную критическую эпоху. На очереди дня стоял проклятый российский вопрос: «что делать?»

Возникшая в 1883 г. Группа «Освобождение Труда», успевшая в продолжение шестилетнего энергичного своего существования сделать чрезвычайно много для развития и выяснения своих идей, не пользовалась популярностью. Наоборот, общее отношение к этой новой революционной организации, к ее программе и тактике, было отрицательное до последней степени. Помню, как немного спустя после моего приезда в Цюрих один мой знакомый, провожая меня поздно вечером домой, указал рукой на светившееся окно и многозначительно заметил: «Видите свет в окне второго этажа вот этого дома?» — «Вижу, так что? — «В этом доме живет русский социал-демократ-«освободитель» и, представьте себе, страстный поклонник Плеханова.» — С большим и жадным любопытством посмотрела я на «странный, таинственный» дом, в котором жил «освободитель»¹⁾.

Русский социал-демократ был в то время довольно редким экземпляром, а признать Плеханова основателем нового серьезного революционного течения и быть его поклонником значило для большинства революционеров-народников стоять по ту сторону добра и зла.

¹⁾ П. Л. Лавров написал рецензию на первую социал-демократическую брошюру Плеханова «Социализм и политическая борьба», в которой назвал иронически членов Группы «Осв. Тр.» «освободителями».

Я поэтому очень хорошо поняла моего знакомого, указавшего на дом, в котором жил социал-демократ, как на клетку редкого зверя. И в особенности был для меня понятен высокомерный, слегка презрительный тон, с которым он произнес слова: «поклонник Плеханова».

Разделяя общее, господствующее настроение и предрассудки революционной среды, я представляла себе социал-демократическое учение наглым, чуть ли не преступным нарушением революционных традиций и дьявольским тормозом на пути к дальнейшему движению революционной мысли и революционного дела, а отсюда уже логически следовала само собой крайне отрицательная оценка личности и свойств таланта основателя русского марксизма.

В эклектическом миросозерцании народников субъективное, нравственное начало играло, как известно, господствующую роль. Нравственное осуждение существующего социально-политического порядка, сочувствие угнетенным и эксплуатируемым и нравственный долг мыслящей интеллигенции перед народом составляли главную духовную основу общего миросозерцания народника. Другими словами, нравственная оценка исторического и общественного бытия заменяла собою учет объективных общественных сил и их действительного взаимоотношения. Идеалы будущего рассматривались, как самопроизвольное начало, определяющееся свободной волей личности.

Научно-объективное начало в построении народничества, без которого, к слову сказать, не обходится ни одна утопия — казалось случайным элементом, несмотря на горячие теоретические споры о судьбах русского капитализма, о социалистических потенциях поземельной общины и о возможности «перескочить» через капиталистический порядок непосредственно к социализму и т. д. Короче, в народничестве течение всех оттенков преобладали субъективный метод и преклонение перед нравственной «формулой прогресса». Но было бы, тем не менее, глубоко несправедливо утверждать, что последователи народнической романтики чуждались научной мысли или просвещения. Отнюдь нет. Наоборот, чтение серьезных книг по некоторым и довольно разнообразным отраслям человеческого знания считалось чуть ли не обязательным для революционера народнического толка. И нет никакого сомнения, что революционеры 80-х годов читали несравненно больше, нежели современные социал-демократы и социалисты-революционеры, которые к великому ущербу для социалистического дела питаются духовно почти что исключительно газетной литературой. К науке существовало у народников большое уважение. Тем не менее наука и революция представлялись им, как противоположные кате-

гории. Главная причина такого взгляда на взаимоотношение научной мысли и революционной практики заключалась, как мне кажется, в утопическом стремлении перегнуть западно-европейскую цивилизацию при помощи морально-субъективных усилий героических личностей. Объективная серьезная оценка русской действительности, научное обоснование программы и тактики могли легко разрушить отрядные и заманчивые иллюзии насчет немедленного осуществления социалистического строя. Отсюда совершенно понятно психологическое раздражение, с которым большинство революционеров встретило первые произведения Г. В. Плеханова.

Новое революционное мировоззрение, основанное на строго научном мышлении, требовавшее беспристрастного, всестороннего анализа общественных отношений, мировоззрение, противопоставившее популярный нравственной «формуле прогресса» Михайловского объективный метод Маркса-Энгельса, означало полный, решительный разрыв со старыми навыками революционной мысли, разрыв, который должен был оттолкнуть подавляющее большинство революционеров от смелого новатора. Марксистский метод, который, по словам Коммунистического Манифеста, должен возвыситься до понимания хода исторического движения и согласно которому капитализм и сильное развитие промышленной буржуазии являются необходимыми историческими предпосылками социализма, казался утопистам-народникам реакционным методом, а проповедник этого метода являлся в их глазах изменником революционному делу.

Георгий Валентинович рассказывал как-то, что когда отец привез его в кадетский корпус, ученики корпуса, его будущие товарищи, встретили новичка кулаками. «Я не знал, — вспоминал Г. В., — этого обычая, будучи уверенным, что в храмах науки только учение имеет место¹⁾. Но я сейчас сообразил, что раз дерутся, надо дать сдачи, — и дал. Драчуны, как мне казалось, остались довольны моей сообразительностью, и мы впоследствии стали товарищами». — Точно таким же образом был встречен революционными кругами сделанный Георгием Валентиновичем прорыв в истории. Сказанное им новое и сильное слово вызвало прежде всего страшное желание драться. И точно так же, как и в кадетском корпусе, Г. В. дал сдачи.

Классический ответ П. Л. Лаврову и Л. Тихомирову — «Наши разногласия» — возбудил в народнической среде бурю

¹⁾ По свидетельству сестер Георгия Валентиновича, Варвары Валентиновны и Клавдии Валентиновны, Г. В. был в детстве очень сосредоточенным мальчиком, избегавшим шалости и драк. Самым любимым его занятием было чтение.

негодования. Это историческое произведение, как рассказывали люди, заслуживающие полного доверия, некоторыми революционными кружками сжигалось. Фанатики-сектанты, воспитанные на методах борьбы азиатского самодержавия, воображали, повидимому, что мысль и духовное творчество можно и в XIX столетии истребить при помощи огня.

Вся окружающая атмосфера, в которой пришлось Плеханову вести борьбу за свои новые идеи, была насыщена злобой, ненавистью и подчас плохо скрываемой завистью к молодому, сильному и блестящему борцу. Творили клевету, словно боги, из ничего. Но странное дело, несмотря на такую дикую травлю, каждое выступление Георгия Валентиновича в той или другой швейцарской колонии было для всех, без всякого исключения, истинным праздничным событием. Первый раз мне довелось слышать Плеханова в 1891 году. Еще за месяц до его приезда в Цюрих читать лекцию или, как тогда говорили, «реферат», молодежь, определенно настроенная против социал-демократического учения вообще и высказывавшая явное нерасположение к Георгию Валентиновичу в частности, ждала его приезда с жадным нетерпением. И вот, не вспомню сейчас точно, в каком именно месяце первой половины зимы, ко мне в комнату влетела одна моя приятельница и, не успев поздороваться, сообщила с волнением в голосе: «Плеханов приехал». — «Чему же вы так радуетесь?» — спросила я, — ведь вы же, насколько мне известно, далеко не поклонница идей Группы «Освобождение Труда», а личность Плеханова, помните, как вы не однажды характеризовали?» — Она немного смутилась, а затем, собравшись с мыслями, ответила: «Люблю слушать его, он талант и уж больно хорошо говорит».

На следующий день, вечером, все русские, находившиеся в Цюрихе, буквально все, кроме больных и детей, спешили на лекцию Плеханова.

Темой лекции был волновавший тогда Россию голод. Тема эта, помимо общего и жгучего значения, имела еще и частный, специальный, так сказать, партийный интерес. Как уже было замечено, социал-демократия представляла собою в количественном отношении ничтожную величину, но в смысле качества первые последователи Группы «Освобождение Труда» являлись, по весьма понятной причине, наиболее политически мыслящими людьми. Они больше думали и больше читали, нежели теперешние социал-демократы. Тем не менее и над их головами тяготела традиционная мысль их недалекого прошлого. Оторванность от сложной и многообразной действительности, вкоренившееся в плоть и дух сектантства, привычка противопоставлять себя во всем и а б с о л ю т н о всему остальному миру суживала их кру-

гозор и мешала усвоению нового, чуждого сектантства и утопизма материалистического научного миросозерцания Плеханова.

Это духовное наследие сектантского прошлого ярко сказалось в вопросе об отношении социал-демократии к голоду. Во-первых, участие в организации помощи голодающим представлялось молодым социал-демократам филантропическим делом, идущим вразрез с революционными методами действий; во-вторых, мысль о борьбе с голодом при самодержавном режиме казалась им молчаливым признанием этого последнего; в-третьих, голод являлся с их точки зрения фактором прогресса, так как это народное бедствие должно было вести к якобы «желательной» скорейшей пролетаризации деревни.

Г. В. Плеханов держался другого взгляда на этот вопрос. С его точки зрения, живое деятельное участие в организации помощи голодающим открывало благотворную почву для революционной агитации против того же самодержавия. Гуманное сострадание голодающим и стремление оказать несчастным крестьянам посильную помощь совпадало в широком воззрении Плеханова с политической целесообразностью, нравственный долг согласовался с социально-политическими задачами. Между молодыми учениками и учителем возник, таким образом, конфликт, если не ошибаюсь, первый.

Ясно, что лекцию ждали с особенно напряженным интересом. К 8 часам вечера большой зал был переполнен.

На эстраде появился Плеханов. Тогда среди русских не было обычая встречать оратора рукоплесканиями. Наоборот, при появлении Плеханова мгновенно воцарилась такая тишина, что действительно можно было услышать жужжание мухи, если бы таковой вздумалось пролететь. Я увидела Плеханова в первый раз. Не стану описывать подробно его наружность. С чисто внешней стороны она известна по фотографиям. Говорю, с внешней стороны, так как познание наружности человека, а в особенности — наружности крупного человека, также не дается сразу, а требует тщательного и тонкого наблюдения в продолжение значительного периода времени и при различных условиях жизни. При первом же взгляде на Георгия Валентиновича бросалось в глаза резкое его отличие от других видных эмигрантов. Почти на всех эмигрантах, которых мне пришлось видеть до тех пор, был сильный отпечаток нигилизма, отщепенства и оторванности от окружающей их действительности. С первого взгляда было видно, что это люди кружка, адепты секты. Во внешнем облике Г. В. Плеханова, наоборот, не заметно было и тени сектантства. На эстраде стоял блестящий человек, или, как французы говорят, *bel homme* лет 30 слишком, с изящными, благородными манерами, со сдержанными движениями,

одетый тщательно, разумеется, без признаков франтовства, но с хорошим вкусом, обнаруживающим художественную натуру и человека, украшающего свой костюм.

Г. В. начал свою речь с легким, едва заметным волнением в голосе, свойственным истинному артистическому таланту и настраивающим слушателей на известный лад. Чарующий тембр голоса, чудесное произношение, ясная и отчетливая дикция, строго литературная речь, словом, классическая форма ораторского искусства приковывали эстетическое внимание слушателей. Но власть Плеханова над аудиторией объяснялась не только формой. Действовало, как всегда и во всем, главным образом, содержание.

Огромная эрудиция, полное господство над предметом, широкое миросозерцание, железная, ясная и в то же время гибкая и оригинальная мысль, плюс бурная, революционная страсть, плюс тонкое, образное остроумие, — все эти слагаемые, сосредоточенные в одном избраннике природы, приводили слушателей, всех слушателей без всякого исключения, в восторженное состояние, вызывая высокий духовный подъем и усиленную работу мысли.

В первой части лекции Георгий Валентинович нарисовал полную и страшную картину голода, объясняя причину народного бедствия историческими условиями русского бытия и в частности государственной системой самодержавия. И «холодный» марксист Плеханов, который, по словам народников, рекомендовал «варить крестьянина в фабричном котле», довел некоторых слушателей до слез. Казалось, что вся толпа слилась в одно целое и что сердце этого слитного целого дрогнуло, когда оратор закончил один оборот речи словами поэта:

Не беда, что потерпит мужик.
Так ведущее нас провидение
Указало, да он же привык.

Вторая часть лекции была посвящена изложению задач социал-демократов в борьбе с голодом.

Настроение присутствующих поднималось все выше и выше и естественно сообщалось оратору, который жил одним настроем с публикой и в то же время стоял совершенно отдельно от нее на высоком пьедестале, стараясь классической ясностью своего блестящего изложения поднять ее на все большую и большую интеллектуальную и моральную высоту. Тут ярко сказывался свойственный Г. В. Плеханову социалистический культурный демократизм, т.-е. *демократизм истинный*. История древней Греции рассказывает, что Перикл, собираясь говорить перед афинским народом, молил богов, чтобы никакое неприличествую-

щее предмету или неблагозвучное слово не вырвалось из уст его. Плеханов был, как известно, философом-материалистом. Он не верил в помощь богов, так как не признавал их существования, но говорить публично было для него, как для доблестного афинского гражданина, ответственным и священным делом. Чувствовалось, что лекция, несмотря на изумительную свободу изложения, продумана и обработана с величайшей тщательностью как по содержанию, так и по форме.

После двухчасовой лекции последовали прения. Выступали «официальные», так сказать, оппоненты, народники, считавшие своим партийным долгом возражать Плеханову. И надо сказать правду, это был действительно тяжкий, аскетический долг, ибо говорить после Плеханова и произведенного его речью впечатление значило обречь себя на полный провал. Публика слушала оппонентов рассеянно, ожидая с большим и очевидным нетерпением заключительного слова оратора, в котором последний отвечал оппонентам, а также на заданные вопросы некоторых слушателей. Мой сосед и приятель, который еще не был социал-демократом, обратившись ко мне после лекции, заметил: «Вы еще услышите заключительное слово. Он замечательно полемизирует». Заключительное слово было в самом деле прекрасным произведением искусства. И тут, в этой импровизации, не было ни одного неприличествующего предмету или неблагозвучного слова. Но прежде всего сказывалась в нем героическая боевая натура и сильный полемист в стиле Лессинга. Противники были разбиты на голову и, казалось, рады, что кончилось их тяжелое испытание.

На следующий день вечером состоялись собеседования, в которых принимали участие определившиеся социал-демократы и сочувствующие. На этом интимном узком собрании мне не пришлось присутствовать. Но рассказывали, что Плеханов был «в ударе» и с изумительной, исчерпывающей обстоятельностью давал ответы на все вопросы.

В общем приезд Плеханова имел огромное значение. Колебавшиеся примкнули к новому течению революционной мысли. В колонии долго спустя после отъезда Г. В. говорили и спорили о прочитанном «реферате» и с увлечением повторялись остроты оратора. Словом, как уже сказано выше, посещение Г. В. было большим событием в жизни русской колонии.

Впоследствии, когда я с моей покойной сестрой Идой Исааковной жили, начиная с 1894 г., в Берне, мне пришлось от имени бернской социал-демократической группы вести переписку с Георгием Валентиновичем насчет его приезда читать ту или другую лекцию. Колония, зная, что эта приятная обязанность возложена на меня, не давала мне в буквальном смысле покоя.

Могу сказать без всякого преувеличения, что каждый, кого только пришлось встречать мне или моей сестре в университете или на улице, задавали первый вопрос: «Когда придет Плеханов?»

Все прочитанные Георгием Валентиновичем лекции в Берне от 1894 до 1903 г. и все его жаркие полемические схватки с оппонентами живут в моей памяти полной жизнью. Не могу не остановиться на еще одном реферате Г. В. Плеханова. Это было, если не ошибаюсь, в 1898 г. Георгий Валентинович читал, или, точнее, говорил об общих задачах русской социал-демократии. Как всегда, зал был битком набит, как всегда, присутствующие слушали лектора с напряженным вниманием, прерывая там и тут торжественную тишину залы громом рукоплесканий, как всегда, финал вызвал настоящую, длительную, дружную и бурную овацию и, наконец, как всегда, выступили оппоненты народники. Возражали Ж. и Р. Оба оппонента указывали на основное, с их точки зрения, противоречие в русской социал-демократической программе. Это противоречие состояло в том, что, с одной стороны, массовое движение возможно лишь при условии существования политической свободы, а с другой, политическая свобода может быть лишь результатом массового рабочего движения. Русская социал-демократическая программа вращается поэтому в безысходном заколдованном кругу. Продолжая эту мысль, Р. вывел заключение, что у Группы «Освобождение Труда» русская национальная программа вообще отсутствует.

В своем заключительном слове Г. В. дал блестящий и обстоятельный ответ своим противникам. Остановившись на указанном якобы противоречии, оратор развернул с изумительным мастерством диалектику в движении истории человечества. При помощи многочисленных, ярких фактов социальной борьбы классов он показал, каким образом подобного рода противоречия находят свое синтетическое примирительное разрешение в поступательном ходе исторической действительности. Движение рабочего класса, обусловленное классовыми противоречиями, совершается и не может быть остановлено полицейским самодержавием. В борьбе за политическое освобождение рабочий класс будет играть главную, решающую роль, а с другой стороны, завоевание политической свободы явится могучим фактором на пути дальнейшего поступательного движения народных рабочих масс. Выходило, что то, что кажется оппонентам логическим формальным противоречием и заколдованным кругом, есть на самом деле противоречие историческое, коренящееся в недрах общественной действительности и находящее свое разрешение в ходе социального развития.

Затем, дойдя до упрека в том, что у русских социал-демократов нет программы, Георгий Валентинович взял лежавшую

перед ним программу Группы «Освобождение Труда», положил ее к себе на грудь и, придерживая ее обеими руками, обратился к публике со словами: «Вот наша программа! Вот она! Нужно только научиться внимательно читать ее». Зал на мгновение замер, а затем раздался гром аплодисментов, длившихся, мне думается, минут пять. Публика почувствовала, что программа на груди Плеханова, это часть его души, и что за эту программу автор готов итти на Голгофу. Публика почувствовала это и дала своему чувству сильное и яркое выражение. Г. В. стоял на эстраде, слегка взволнованный и бледный. Р., раздраженный поражением, крикнул на всю залу: «где мои галоши?» Он под аккомпанемент дружного смеха присутствовавших решился, повидимому, бежать с поля битвы. Но другой оппонент Ж., явно увлеченный красотой и величием момента, любовался оратором. Об этом отчетливо говорили его воодушевленные черты лица и восхищенный взгляд, устремленный на Плеханова.

Так, таким истинным триумфом закончилось памятное, я уверена, для всех присутствовавших собрание.

Слушая Георгия Валентиновича в данной обстановке, подчас казалось странным и обидным, что такому огромному человеку, такому классическому оратору, лукавая судьба русской истории отвела для устной пропаганды и агитации такую ограниченную арену, как русские колонии в Швейцарии.

У швейцарского поэта Шнитшелера есть сильное и красивое стихотворение, в котором поэт изображает положение орла, случайно попавшего в курятник. Очутившись в курятнике, орел сделал попытку приспособиться к новой обстановке, но не выдержал. Потоптался, потоптался царь пернатых, хлопнул своими могучими, крыльями и понесся вверх, в свою высокую сферу, туда, где, по словам нашего поэта, кроме орла лишь ветер гуляет.

Так решают проблему жизни великой личности духовные аристократы, индивидуалисты.

Иначе смотрел на эту проблему основатель русской социал-демократии. На нашем последнем свидании с Георгием Валентиновичем 7 января ст. ст. 1918 г. покойный Г. В. в беседе с нами ¹⁾ о философии и религии, между прочим, рассказал, что, будучи ребенком лет 6 — 7, он пришел к заключению, что богу должно быть необычайно скучно. Бог ведь один, совсем одинокий, между тем как каждому мужику весело, так как на деревне много людей, гораздо больше, чем даже в усадьбе.

¹⁾ Беседа происходила во французской на Васильевском Острове больнице, в палате моей покойной сестры И. И. Нас было трое, Георгий Валентинович, Ида Исааковна и я.

Вот когда и каким оригинальным образом зародилось в голове мыслителя-революционера начало демократической мысли.

Орел по своим богатым дарованиям, но демократ до мозга костей, Георгий Валентинович совершенно не замечал резкого контраста между калибром своей личности и узкой ареной его устной агитационной деятельности.

И хорошо, что не замечал.

Ибо его устная агитационная работа в русских колониях за границей имела огромное, не поддающееся точной оценке историческое значение.

1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Г. В. Плеханов (к 40-му юбилею)	3
Из моих воспоминаний о Г. В. Плеханове	17
Об отношении Г. В. Плеханова к искусству. По личным воспоминаниям	27
Памяти Веры Ивановны Засулич	37
А. И. Герцен (к пятидесятой годовщине смерти)	47
Томмазо Кампанелла (к 350-летнему юбилею)	56
